

Антон Салмин

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ТРУДАХ К.В. ЧИСТОВА

Вначале вспомним наиболее устоявшееся определение системного подхода. Оно звучит так: «Системный подход — направление философии и методологии науки, социально-научного познания и социальной практики, в основе которого лежит исследование объектов как систем. Системный подход ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину»¹.

Понятие «система» — категория философская, методологическая и теоретическая. Сходными с ней терминами, составляющими синонимичный ряд, могут быть «порядок», «расположение», «реконструкция», «классификация», «соединение», «организация», «координация», «схема», «структура», «комплекс», «форма». Однако ни один из них не может претендовать на место термина «система». Система сама, входя в метасистему, одновременно существует не только на уровне блоков, но и пронизывает мельчайшие мотивы. Поэтому Людвиг фон Берталанфи справедливо назвал систему междисциплинарной моделью². В зависимости от характера объекта и цели исследования, в конечном счете, можно получить сложные и простые схемы.

В системе блоки и элементы, входящие в нее, не только соотносятся друг с другом, но и наделены самостоятельной функциональностью и могут даже представлять собой микросхему в метасистеме. Иначе говоря, элементы системы сами наделены системностью. Но их системность — это схема более низкого уровня. Например, мотив «Обретение новорожденного» имеет свою структуру и последовательность. Он вариативен и состоит, в свою очередь, из элементов. Иначе говоря, рассматриваемый мотив представляет собой автономную систему. Это с одной стороны. С другой — мотив «Обретение новорожденного», взаимодействуя и соотносясь с другими мотивами своего уровня, входит в систему более высокого уровня. В целом система может (обычно так и случается) быть многоуровневой.

Кирилл Васильевич всего один раз вынес в заглавие своих работ термин «система». Статья называется «Прозаические жанры в системе фольклора»³. И вообще, темы «система» и «систематика» — это для философов. Однако высокая эрудиция и талант члена-корреспондента РАН К.В. Чистова заключали

---

¹ Блауберг И.В., Юдин Э.Г., Садовский В.Н. Системный подход // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3: Н—С. С. 559.

² Bertalanffy Ludwig van. Perspectives on General System Theory: Scientific-Philosophical Studies. N. Y., 1975. С. 84.

³ Чистов К.В. Прозаические жанры в системе фольклора // Прозаические жанры фольклора народов СССР. Минск, 1974. С. 6—31.

в себе и великолепное владение методологией исследования. Проявилось такое чутье у нашего учителя довольно рано. В 1939 году он вместе со своим старшим братом Василием публикует рецензию на «Спутник фольклориста: методическое руководство по собиранию, систематизации и хранению произведений устного народного творчества». Пособие было опубликовано в Москве в том же 1939 году. Составители — ведущие ученые в данной области В. Крупянская и В. Сидельников. Редактировали его корифеи фольклористики Ю. Соколов и В. Бонч-Бруевич. Кирилл Васильевич тогда являлся студентом II курса ЛГУ, юношей 20 лет от роду. Вот что пишут, в частности, в своей рецензии молодые Чистовы: «Но изданное Гос. Литературным музеем руководство никак не сможет удовлетворить фольклористов ни в части теоретической, ни в части практической. Начинающему собирателю оно преподносит весьма сомнительные и противоречивые теоретические положения, неразработанные и неудачные рецепты систематизации и хранения записей фольклора <...> Ни слова не говорится о вопросах, особенно волнующих работников областей и национальных республик, — о методах работы со сказителем <...> Становится непонятным, почему <...> Ю.М. Соколов не обратил внимания составителей книги на эту сторону собирания»¹. Вот так, достаточно резко написана рецензия. Так врывается Кирилл Васильевич в науку. С тех пор прошло ровно 70 лет. Но таким он остался навсегда.

Излагая свою мысль в динамическом стиле, он на первое место ставил методологию, теорию и методику научных исследований. И в первой же публикации — дань системному подходу, настаивание на корректной систематизации фольклорных источников. Позже, в самом начале 1970-х годов, Кирилл Васильевич излагает свой взгляд на системный подход в науке: «В последние годы у нас и за рубежом все большую популярность приобретают структурные и структурно-семиотические исследования. История этого направления сложна и противоречива. Мы не можем входить во все его детали. Напомним только, что весьма своеобразной была и история структурализма в советском языкознании, фольклористике, эстетике. Ряд блестящих работ 20-х годов (В.Я. Проппа, Р.О. Якобсона, П.Г. Богатырева, Ю.Н. Тынянова, С.М. Эйзенштейна, Л.С. Выгодского и представителей так называемой “формальной школы в литературоведении”) сыграл важную роль в развитии этого направления в мировой науке. Затем структурные исследования надолго были оставлены советскими учеными. Только в послевоенные годы и особенно в 50–60-е годы методика системных исследований как одна из наиболее перспективных (в том числе и структурно-семиотические методы в гуманитарных дисциплинах) стала находить все большее и большее распространение в науках самого различного профиля»². В 1950–1970-х годах единомышленниками Кирилла Васильевича в методологии системного исследования были скандинавские фольклористы, входившие в группу “Folklore Fellows Communications”, польский фольклорист Юлиан Кржижановский, советские семиотики Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, другие авторы тартуских «Трудов по знаковым систе-

¹ Чистовы В. и К. Рец.: Крупянская В.Ю., Сидельников В.М. Спутник фольклориста: методическое пособие. М., 1939 // Речец. 1939. № 13/14. С. 32.

² Чистов К.В. Рец.: П.Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства. М., 1971 // Советская этнография. 1971. № 6. С. 176.

мам». Их работы К.В. Чистов цитировал, приводил в качестве положительных, с ними он сотрудничал¹.

В данной статье попытаюсь впервые продемонстрировать приверженность Кирилла Васильевича системному подходу. С этой целью, естественно, часто будут приводиться цитаты из его трудов. Жанр данной статьи, несомненно, необычен. Необычен тем, что ее автор пытается войти в сознание Кирилла Васильевича и представить, как бы он изложил, если бы оказался в ситуации пишущего специальную статью на тему «Системный подход в этнологии и фольклористике». А настоящая статья — это всего лишь желание лучше понять методологическую «кухню» крупнейшего ученого. Ведь он продолжает оставаться учителем не только для тех, в чьих диссертациях значится как научный руководитель, но и для тех, кто досконально изучает его труды и учится у него науке.

Для конкретного анализа многогранного научного творчества Кирилла Васильевича возьмем два основных направления — этнографические и фольклористические исследования.

В середине 1980-х годов К.В. Чистов и Я.Г. Машбиц опубликовали резко отрицательный отклик на статью К.П. Иванова о так называемых двух концепциях этноса². Суть в том, что К.П. Иванов не замечает принципиального отличия в тех выводах, которые делают Ю.В. Бромлей и Л.Н. Гумилев по поводу этнических общностей³. Для Л.Н. Гумилева совокупность признаков этноса «вообще ничего не определяет»⁴. В то же время Ю.В. Бромлей придерживался по данному вопросу прямо противоположной точки зрения. В частности, он подчеркивал, что «в одних случаях главная роль в этом отношении принадлежит языку, в других — религии»⁵. Такое неустойчивое свойство служит для некоторых основанием для игнорирования целостности этноса. Тем не менее, по словам Ю.В. Бромлея, «этнос — не простая сумма “признаков” и “общностей”, а целостная система, к тому же сознающая свою целостность»⁶. По поводу точки зрения Ю.В. Бромлея Я.Г. Машбиц и К.В. Чистов замечают, что «подобная ориентация на целостность этносов как систем полностью соответствует принципам современного системного подхода»⁷. Этнос не перестает чувствовать себя как система и в ситуации имущественной и социальной дифференциации членов сообщества. Для этноса локальные формы культуры несущественны

---

¹ *Christiansen R.Th.* The Migratory Legends: A Proposed List of Types with a Systematic Catalogue of the Norwegian Variants. Helsinki, 1958 (= FF Communications No. 175); *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w ukiadzie systematycznym. Wrocław, 1962. Cz. 1; *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. С. 203–210.

² *Машбиц Я.Г., Чистов К.В.* Еще раз к вопросу о двух концепциях «этноса» (по поводу статьи К.П. Иванова) // Известия Всесоюз. географ. общ-ва. 1986. Т. 118. Вып. 1. С. 29–37.

³ *Иванов К.П.* Взгляды на этнографию, или Есть ли в советской науке два учения об этносе? // Известия Всесоюз. географ. общ-ва. Т. 117. 1985. С. 232–239.

⁴ *Гумилев Л.Н.* По поводу предмета исторической географии (ландшафт и этнос). III // Вестник Ленингр. гос. ун-та. 1965. № 18. С. 112–120.

⁵ *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 30–31.

⁶ *Бромлей Ю.В.* К вопросу о сущности этноса // Природа. 1970. № 2. С. 55.

⁷ *Машбиц Я.Г., Чистов К.В.* Указ. соч. С. 32.

и допустимы в рамках этнического единства¹. Многие советские этнографы, в том числе и К.В. Чистов, понимали этнос как динамическую систему. Исследователи выделяли разные уровни этнообразующих и этнодифференцирующих факторов, которые в разные исторические периоды и в разных социально-экономических и политических ситуациях играли различную роль. Всегда в таких ситуациях верх брало этническое самосознание, оно же превращало «те или иные элементы или комплексы культуры в этнически значимые»².

Сразу же следует сказать, что К.В. Чистов не суживал поле этнографического исследования. Так, в замечательной книге «Народные традиции и фольклор: Очерки теории» он указывал на специфику этнографии, на ее своеобразное место в системе общественных наук. Как известно, этнография ощущает ближайшее соседство со многими науками. Прежде всего с антропологией, археологией, лингвистикой, фольклористикой, географией, социологией, психологией, историей и т.д. «Вместе с тем у нее есть свои задачи и функции. Уточнив свое место в современной системе наук, этнография укрепила свои связи со многими из них»³. Главное требование к этнологу — это знание образа жизни изучаемого народа. Именно поэтому этнография неизбежно пересекается со многими общественными и естественными науками. В связи с таким положением этнографической науки Кирилл Васильевич высказал пожелание к этнологам. Теоретические суждения по поводу проблем соотношения этнического и межэтнического, национального и интернационального заметно продвинулись бы и приобрели бы «большую определенность, — писал он, — если бы мы использовали в наших исследованиях и методических рассуждениях один из основных приемов современных системных исследований»⁴. Кирилл Васильевич в данном случае имел в виду необходимость различения уровней сопоставления в системных исследованиях. В этой связи он обращал внимание на продуманную методологию Д.К. Зеленина. В книге «Очерки русской мифологии» Дмитрий Константинович, в частности, раскрывал свои творческие секреты. Так, он писал: «Почти все исследователи, занимавшиеся русской мифологией, шли от старого к новому исходя из исторических известий о древнерусском историческом Олимпе, и старались пристегнуть к этим старым известиям данные современных русских поверий. Наш путь совсем иной. Отправною точкою для нас всегда и везде служат современные верования и обряды русского народа. С ними мы сопоставляем исторические известия, если таковые имеются. И вообще, мы идем не от старого к новому, а от нового, нам современного и более нам близкого»⁵. Кирилл Васильевич оценил такой подход как имеющий широкое методологическое значение. Он поставил точку над «i» в вопросе о методологическом приеме Д.К. Зеленина: «В одной из немногих статей о Д.К. Зеленине, опубликованных в последние годы, этот метод был назван “ретроспективным”. Вероятно, это название не очень точно, хотя имеет несомненное преимущество. Оно как бы объясняет интерес к “ге-

¹ Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л., 1986. С. 14.

² Там же. С. 263.

³ Там же. С. 265.

⁴ Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. С. 73–74.

⁵ Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Пг., 1916. Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки. С. 16.

нетике культуры”, который характерен для работ Д.К. Зеленина конца 20-х и 30-х годов. В соответствии с современной терминологией мы могли бы назвать метод Зеленина синхронным и даже системным и осознать его как одно из наиболее ранних проявлений подобной методики не только в нашей, но и в европейской науке. В полном соответствии с провозглашенным методом написана и “Восточнославянская этнография”¹.

Разумеется, «ни один этнический признак теоретически не может быть абсолютно уникальным по своей функции, форме и содержанию, то есть непредставимым в системе культур какого-нибудь другого этноса»². Уникальными могут быть только конкретные формы явлений. В то же время общероссийская «система духовной культуры — это сумма культур отдельных этнических общностей»³, которые автономно развиваются в одинаковых условиях и в силу этого, а также в ходе нарастающих контактов сближаются. «Происходит процесс сращивания в единую систему»⁴. Например, одним из важнейших средств соединения разных этнических культур выступает русский язык, который все в больших масштабах выполняет функции языка межнационального общения. Но даже в этих условиях традиционные подлинные элементы, дожившие до нашего времени, включены в современные культурно-бытовые системы. Они сохраняют черты первичных функций, не теряют свои традиционные практические назначения⁵. В качестве примера Кирилл Васильевич называет северо-восток Европы, где много веков живут бок о бок русские и финно-угорские народы в естественных одинаковых социальных условиях, переживают сходные исторические судьбы, имеют интенсивные контакты друг с другом. Но вместе с тем они сохранили собственные этнические традиции, свою систему традиционной культуры, свои языки, свою традиционную систему фольклорных жанров.

Если понимать культуру широко, то есть как способ деятельности человеческого общества, механизм его приспособления к природной среде и одновременно механизм приспособления природной и социальной среды к человеческим потребностям, то следует отказаться от привычного деления человеческих обществ на «традиционные» и «нетрадиционные». Ибо «никакое человеческое общество не может существовать <...> без своей системы приспособления и функционирования <...> без механизма стереотипизации, отбора (селекции) и передачи опыта, который накапливается поколениями людей <...> В свете теории информации в этом случае следует говорить о характере и густоте информационных связей, как вертикальных (от поколения к поколению), так и горизонтальных (между современниками)»⁶. Ко-

¹ Чистов К.В. «Восточнославянская этнография» Д.К. Зеленина // Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография: пер. с нем. М., 1991. С. 446.

² Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. С. 23.

³ Бромлей Ю.В., Чистов К.В. Этнокультурная история восточных славян и современные этнические процессы // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 526.

⁴ Там же.

⁵ Чистов К.В. Folklore, “Folklorizm” and the Culture of an Ethnos // Ethnocultural Development of African Countries. М., 1984. P. 131; Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 131.

⁶ Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. С. 261–262.

нечно, «как сами этносы, так и их культурные традиции не заданы генетически; они не существовали извечно, а формировались постепенно, образуя систему, которая была подвержена историческим изменениям»¹. Понятия «культура» и «традиция» неразрывны. Как нет общества без культуры, так и нет культуры без традиции. «Подобный механизм не может сформироваться <...> без традиции, которая в значительной мере представляет собой систему социально-значимых стереотипов. Переход от доиндустриального общества к индустриальному и урбанизированному сопровождался не ликвидацией традиции как таковой <...> а сменой одной системы традиций другой <...> Таким образом, противопоставление доиндустриального общества как “традиционного” индустриальному как “нетрадиционному” не имеет теоретического основания и сохраняется по инерции или (чаще всего) весьма условно»². «Однако мы должны при этом помнить, что традиция — это не случайный набор стереотипов, не их бесконечная куча, а их взаимосвязанность и взаимоположенность <...> Это система стереотипов, отражающая структурно организованный опыт»³. «Иными словами, традиция — это сеть (система) связей настоящего с прошлым»⁴. Говоря словами Кирилла Васильевича, человеческое общество — это субъект, а культура — способ его деятельности, предикат. В связи с разговором о системе традиций хотелось бы обратить внимание на важное замечание Кирилла Васильевича. Его игнорирование дорого обошлось нам в период строительства социализма и коммунизма. Весь этот период Кирилл Васильевич назвал застоём. Эти годы, писал наш учитель, «способствовали превращению целых сфер культуры (социальной, политической, художественной) в окостеневшую систему самовоспроизводящихся шаблонов, выветриванию несомненных ценностей, запутанности ценностных ориентаций, разрыву вкусов и устремлений поколений. Стремление к преодолению шаблонов, которые действительно надо преодолеть, к обновлению устоявшейся системы также породило неприятие ряда традиций, которые представляют несомненную ценность, и невыработанность того, что должно было быть им противопоставлено»⁵. Это было сказано накануне перестройки. Опасения, к сожалению, во многом оправдываются.

Сходный хозяйственно-культурный тип, конфессиональное единство (имеется в виду христианство в его основных вариантах — католицизм, протестантство и православие), культурные многовековые контакты между субрегионами Европы создают единое пространство. Этот процесс прогрессирует, несмотря на разнообразные обрядовые системы народов, населяющих Европу. «В этом отношении Европа противопоставлена другим регионам, формировавшимся на основе иных хозяйственно-культурных типов (например, кочевое скотоводство, орошаемое земледелие, морское рыболовство и др.), связанным с другими конфессиональными системами (например, мусульманство,

¹ Чистов К.В. Традиции в многонациональном обществе: (Этнографический аспект) // Традиции в многонациональном обществе. Минск, 1990. С. 201.

² Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. С. 19.

³ Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. С. 113.

⁴ Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. С. 106.

⁵ Чистов К.В. Нужна научная концепция развития советской культуры // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 48.

индуизм, синтоизм, архаические религиозные системы и т.д.), принадлежащим к иным языковым семьям и унаследовавшим иные традиции»¹. Меня приятно поражает предпринятое Кириллом Васильевичем глубокое проникновение в методологию системного изучения обрядов. Говоря о связи обрядовых систем с собственно конфессиональными, К.В. Чистов обращает наше внимание на то, что каждый обряд имеет специфическую сакральную семантику и структуру. Эти структуры, как правило, «включают в свой состав христианские (церковные) и нехристианские элементы, элементы адаптированные и переработанные в народной среде, созданные самой народной средой. Расчленив их, классифицировать чрезвычайно трудно. Эти народородные по происхождению элементы сплетаются, как правило, в один синкретический клубок, пронизывают друг друга, функционируют как гомогенное единство»². Далее он объясняет, что преждевременно ожидать разработанную систему обрядов в масштабах Европы. И еще одно важное его замечание касается последовательности работы с обрядовым материалом. Согласно Кириллу Васильевичу, классификация и систематика элементов обряда должны предшествовать типологии.

Мы коснулись лишь некоторых принципиальных проблем этнографии в связи с вынесенной в заголовок темой. За пределами доклада остались не менее интересные аспекты. Например, Кирилл Васильевич уделял пристальное внимание вариативности народной культуры. По этому поводу он также писал, что традиционно-бытовая культура «должна быть систематически изучена»³.

Кирилл Васильевич всегда подчеркивал, что фольклор образует специфическую подсистему, выполняющую важную роль в системе традиционной народной культуры. В фольклоре отразились этническое самосознание, легенды о происхождении народа, его контакты с соседними народами, историческая память, мифологические традиции, верования, осмысление обрядов и т.д. Язык фольклора отличается от языка материальной культуры. А это обуславливает семантическую насыщенность фольклора, определяет его роль как «мощного системообразующего фактора традиционной культуры»⁴. В целом, указывал Кирилл Васильевич, невозможно изучать «народную культуру как целостную систему, если из нее искусственно удален фольклор»⁵. Таким образом, фольклор следует оценивать как «систему нематериальной культуры»⁶.

В статье, посвященной рассмотрению основных групп жанров фольклорной прозы, Кирилл Васильевич фактически дает определение понятию «классический фольклор». Несколько перефразируя, можем сказать, что классический фольклор — это традиционная фольклорная система, характерная для

¹ *Čistov K.V.* Zur Frage der Klassifikation der Rituale // *Ethnologia Europea*. 1990. Vol. 20. № 2. S. 162; *Чистов К.В.* К классификации обрядов жизненного цикла // *Язычество восточных славян: сб. науч. тр.* Л., 1990. С. 102.

² *Čistov K.V.* Zur Frage der Klassifikation der Rituale. S. 162; *Чистов К.В.* К классификации обрядов жизненного цикла. С. 102.

³ *Чистов К.В.* Фольклор. Текст. Традиция. С. 116.

⁴ *Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор. С. 8–9.

⁵ *Чистов К.В.* О взаимосвязи фольклористики и этнографии // *Советская этнография*. 1971. № 5. С. 18.

⁶ *Čistov K.V.* Folklore, “Folklorizm” and the Culture of an Ethnos. P. 120.

докапиталистического и досоциалистического периода¹. В книге «Народные традиции и фольклор: Очерки теории» он как бы уточняет данное определение и говорит, что фольклор как целостная система продолжает существовать в нижних социальных слоях. «Эта система претерпевает известную эволюцию, но вместе с тем устойчиво сохраняет свою целостность»².

Во время научной активности Кирилла Васильевича, да и сейчас в фольклористике чрезвычайно важное место занимает проблема классификации, систематизации и составления указателей сюжетов. Значительный вклад внес Кирилл Васильевич и в разработку этой проблемы. Материализованным итогом работы группы фольклористов под его научным руководством явился «Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка»³. Данный указатель учитывает успехи и просчеты предшественников. Кирилл Васильевич отмечает огромную и чрезвычайно полезную работу по учету и систематизации сказочных типов, сюжетов и мотивов, проделанную сторонниками финской школы. Однако осуществлялась такая работа, писал он, на формальной основе. Понятия «тип», «сюжет», «мотив», «жанр» не получили принципиального теоретического осмысления. Не был учтен тот факт, что эти термины являются понятиями разного уровня. Это в конечном счете привело к возникновению грандиозного и хаотического «Индекса мотивов» Стива Томпсона. В нем смешаны сюжеты и мотивы сказок, преданий, легенд, мифов, басен, притч, средневековых стихов, баллад, эпических песен и т.д. К.В. Чистов разбирает частные случаи, указывал на удачные попытки и промахи указателей. В частности, он отметил, что «принятый принцип систематизации преданий и легенд по характеру основного действующего лица (для побывальщин по характеру сверхъестественного существа) в известной мере привел к превращению этих систем в предметно-тематические указатели народных поверий, а не рассказов, которые возникают на их основе»⁴.

Фольклор представляет собой коммуникацию по схеме «исполнитель—слушатель». Но кроме приемов обыденного общения сказочники и певцы используют ряд поэтических стереотипов, которые вместе образуют систему текста. Естественно, в фольклорном тексте в качестве компонентов присутствуют обширные бытовые, обрядовые, речевые, поведенческие и другие системы. Иначе говоря, невозможно изучение текста «вне представлений о его реальном бытовании и социальном контексте»⁵.

Однако фольклорные тексты четко выделяются из обыденной речи. Для того чтобы понять эту специфику, Кирилл Васильевич советовал пристально изучать художественную систему фольклора. В свою очередь художественную систему фольклора можно понять лишь путем сравнительного изучения мастерства исполнителей. Общение в фольклорном понимании — это всегда прямая коммуникация (от человека к человеку). Поэтому сказитель и слушатель

¹ Чистов К.В. Прозаические жанры в системе фольклора. С. 30.

² Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. С. 38.

³ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / отв. ред. К.В. Чистов; сост. Л.Г. Бараг и др. Л., 1979.

⁴ Чистов К.В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М., 1964. С. 2; Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. С. 45.

⁵ Чистов К.В. Ирина Андреевна Федосова: Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988. С. 5.

должны находиться на одной «волне», то есть одинаково обладать кодом естественного языка, системой поэтических стереотипов, традиционными сюжетами традиционных обрядовых норм и т.д. Например, «сочетание эстетической и условно-исторической функций, направленность всей художественной системы былины на обрисовку образа богатыря и его подвига создает определенные типы богатырей, обозначенные устойчивыми именами»¹. Также направленность исторической песни или исторического предания на достоверность изображения, имя героя, другие художественные приемы позволяют подразделять песни и предания в их исторической последовательности или, по крайней мере, привязывать их к определенной хронологии. Кроме того, былина обладает ярко выраженными внутритекстовыми структурами. Многовековое устное бытование былин шлифует так называемые общие места, которые позволяют как сказителю, так и слушателю ориентироваться в динамике событий, узнавать героя, следить за ходом развития сюжета. По этой причине Кирилл Васильевич назвал тексты былин закрытыми системами². Художественные приемы помогают удерживать в памяти отрезки текста. Здесь имеет значение и стилистическая, и лексическая специфика фольклора. Например, в своих трудах Кирилл Васильевич писал о словотворчестве, «об обилии восклицательно-вопросительных конструкций, о напряженности системы префиксов и суффиксов, захватывающих такие части речи, которые обычно обходятся без них (“мнеюшки”, “тебеюшки”, “нонечко” и т.п.)»³. Эти и другие особенности придают устному тексту эмоциональную перенапряженность в связи с трагичностью событий, отражаемых в сюжетном развитии (например, в причитаниях). Так фольклор обогащался системой выразительных средств. «И наконец, любая песенная мелодия — это самостоятельная система»⁴.

Таким образом, мы предприняли попытку усвоения системного подхода в трудах К.В. Чистова. Как видим, даже беглый обзор убеждает, что Кирилл Васильевич пользовался им весьма активно. В этнографических работах он говорил об этносе как о целостной системе, писал о необходимости системного исследования, раскрывал этническую специфику в системе духовной культуры, традиции характеризовал как систему стереотипов, реконструировал систему обрядов. Кирилл Васильевич изучал традиционную фольклорную систему, внес существенный вклад в создание указателя сюжетов как системы. В его книгах и статьях текст описывается как система. Много и убедительно говорил он о художественной системе фольклора. Но делал все это ненавязчиво, аккуратно и академично. Наша попытка понять системный подход в трудах Кирилла Васильевича — это одновременно и желание понять логический ход развития мысли титана славянской и российской этнографии и фольклористики. Уверен, настоящая статья — всего лишь первый шаг в этом направлении.

¹ Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. С. 259.

² Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. С. 163.

³ Чистов К.В. Ирина Андреевна Федосова. С. 328.

⁴ Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. С. 175.